

АНАЛИЗ САМОУБИЙСТВ АГРЕССОРОВ ПОСЛЕ МАССОВЫХ УБИЙСТВ

А.В. Голенков, П.Б. Зотов

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» МЗ РФ, г. Тюмень, Россия

ANALYSIS OF SUICIDE AGGRESSORS AFTER MASS MURDER

A.V. Golenkov, P.B. Zotov

Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

Сведения об авторах:

Голенков Андрей Васильевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Место работы и должность: заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии и неврологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, ул. Пирогова, 6. Телефон: + 7 (905) 197-35-25, электронный адрес: golenkovav@inbox.ru

Зотов Павел Борисович – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 5702-4899; Researcher ID: U-2807-2017; ORCID iD: 0000-0002-1826-486X). Место работы: директор Института клинической медицины ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54; руководитель НОП «Сибирская Школа превентивной суицидологии и девиантологии». Адрес: Россия, 625027, г. Тюмень, ул. Минская, 67, к. 1, оф. 102. Телефон: +7 (3452) 270-510, электронный адрес: note72@yandex.ru

Information about the authors:

Golenkov Andrei Vasilievich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Place of work and position: Head of the Department of Psychiatrics, Medical Psychology and Neurology, I.N. Ulianov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (905) 197-35-25, email: golenkovav@inbox.ru

Zotov Pavel Borisovich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 5702-4899; Researcher ID: U-2807-2017; ORCID iD: 0000-0002-1826-486X). Place of work: Director of the Institute of Clinical Medicine, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia; Head of the Siberian School of Preventive Suicidology and Deviantology. Address: 67 Minskaya str., bild. 1, office 102, Tyumen, 625027, Russia. Phone: +7 (3452) 270-510, email: note72@yandex.ru

К массовым убийствам (МУ) обычно относят акт агрессии с тремя и более жертвами в течение короткого времени, совершённого в одном месте и в рамках одного события. Готовность умереть или совершить самоубийство весьма распространённая характеристика такого преступника, поэтому есть все основания рассмотреть особенности МУ, в том числе и в рамках убийства-самоубийства (МУС). Цель исследования – изучить случаи МУС в Российской Федерации (РФ), произошедших в 2002-2021 гг., путём сопоставления их с обычными массовыми убийствами (ОМУ) и так называемыми постгомицидными самоубийствами (ПГСУ) с одной-двумя жертвами. Материалы и методы. Проанализированы 47 случаев (44 мужчины и 3 женщины, в возрасте от 16 до 70 лет; средний – $39,9 \pm 13,9$ года) МУС из 32 регионов РФ. Группами сравнения являлись 67 случаев (63 и 4, 15-64 года; $34,3 \pm 10,4$) МУ, но без самоубийств агрессоров (ОМУ) из 41 региона РФ и 348 ПГСУ (287 и 61, 15-86 лет; $42,6 \pm 14,1$) из 69 регионов РФ. Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики, хи-распределения и t-критерия. Результаты. Почти каждое четвёртое МУС заканчивалось гибелью пяти и более человек (в среднем – 3,94 жертвы), при ОМУ в 91% случаев жертв было меньше пяти (3,48), ПГСУ ограничивалось одним пострадавшим в 72,1% (1,28). Анализ также показал, что МУС – это обычно семейное (домашнее) убийство (чаще супруг и детей) с последующим самоубийством, связанное с супружескими конфликтами и совершённое, как правило, общепасным способом (огнестрельное оружие и взрывы) с самым большим числом жертв. ОМУ – преимущественно внесемейное убийство, связанное с конфликтами, в которых участвуют посторонние люди, совершённое людьми молодого и зрелого возраста, чаще в состоянии опьянения с использованием колюще-режущих предметов, поджога и нескольких способов агрессии. ПГСУ с одной или двумя жертвами – чаще супружеское или детское убийство, связанное с конфликтами в семье, совершённое прочими способами (удушение и др.). Агрессоры ПГСУ оказались старше всех, реже имели судимость в прошлом. Среди них было больше всего женщин и лиц 60 лет и старше. Заключение. Выделенные группы – МУС, ОМУ и ПГСУ существенно различаются между собой по ряду социально-психологических (демографических) и криминологических показателей.

Ключевые слова: массовые убийства, самоубийства, постгомицидные самоубийства, Российская Федерация

Массовые убийства (МУ) принципиально отличаются от других форм убийств [1, 2]. Трагедия состоит в убийстве двух и более людей в течение короткого промежутка времени (обычно 24 часа), часто совершается в одном месте и в рамках одного события [3]. В литературе встречаются указания на отношение к МУ минимум четырёх и даже пяти жертв [4], однако в последние годы большинство исследователей, в том числе в Российской Федерации (РФ), определили трёх потерпевших как начальный порог для такого рода агрессии [5].

МУ – редкое событие, происходит с частотой от 0,2 до 0,38 случая на 100 тыс. человек [6]. Число таких случаев в США в период с 1976 по 1996 гг. увеличилось с 3,0 до 4,5% [7]. Причём особо бурный рост МУ произошёл в этой стране после 2008 г. с пяти событий в год в 2000-2008 гг. до 16 – в 2009-2012 гг. (2013 г. было зафиксировано 15 МУ) [8]. В последние годы в США не произошло увеличения МУ, но их число и не уменьшилось (по подсчётам авторов, в среднем наблюдалось 20 массовых расстрелов с четырьмя или более убитыми в год) [9]. На фоне стабилизации показателей и сокращения числа обычных убийств за счёт действия федерального запрета на штурмовое оружие, регистрировалось небольшое увеличение числа жертв [10].

МУ в подавляющем числе (94%) случаев совершаются мужчинами в публичных местах в дневное время суток с помощью огнестрельного оружия ($\frac{2}{3}$ случаев). Нападение нередко планируется заранее, агрессоры готовы к тому, что будут убиты или сами совершат самоубийство [7, 8]. Алкоголь (другие психоактивные вещества – ПАВ) играют незначительную роль [11].

К факторам, способствующим совершению МУ, относят психические расстройства (ПР) (психозы, депрессии, личностные расстройства; проблем с самооценкой, наличие антисоциальных, навязчивых, ригидных, нарциссических черт характера; социальное отчуждение, жизненные стрессы, доступ к огнестрельному оружию и знакомство с ним) [6]. Виновники массовых расстрелов в США имели криминальный анамнез, употребляли ПАВ, непсихотические ПР и неврологические заболевания, чаще использовали полуавтоматические или полностью автоматические огнестрельное оружие [11].

Суицидальное поведение при МУ – важный показатель. Готовность умереть (быть убитым полицейским) или совершить самоубийство весьма распространённая характеристика такого преступника.

Mass murders (MM) are fundamentally different from other forms of killings [1, 2]. The tragedy consists in the murder of two or more people within a short period of time (usually 24 hours), often committed in one place and within the same event [3]. In the literature, there are indications that at least four or even five victims are classified as MM [4], however, in recent years, most researchers, including those in the Russian Federation (RF), have identified three victims as the initial threshold for this kind of aggression [5].

MM is a rare event that occurs with a frequency of 0.2 to 0.38 cases per 100,000 people [6]. The number of such cases in the United States between 1976 and 1996 increased from 3.0 to 4.5% [7]. Moreover, especially rapid growth of MM occurred in this country after 2008 with five events per year in 2000-2008 and up to 16 in 2009-2012 (15 MMs were recorded in 2013) [8]. In recent years, there has been no increase in MM in the United States, but their number has not decreased (according to the authors' calculations, an average of 20 mass executions were observed with four or more killed per year) [9]. Against the backdrop of a stabilization in rates and a reduction in the number of conventional murders due to the federal ban on assault weapons, a slight increase in the number of victims was recorded [10].

MM in the vast majority of cases (94%) is committed by men in public places during the daytime with the help of firearms ($\frac{2}{3}$ cases). The attack is often planned in advance, the aggressors are ready for the fact that they will be killed or commit suicide themselves [7, 8]. Alcohol (other psychoactive substances and surfactants) play a minor role [11].

Factors contributing to the commission of MM include mental disorders (MD) (psychosis, depression, personality disorders; problems with self-esteem, the presence of antisocial, obsessive, rigid, narcissistic character traits; social exclusion, life stresses, access to and familiarity with firearms) [6]. Perpetrators of mass shootings in the United States had a criminal history, used psychoactive substances, nonpsychotic MD and neurological diseases, more often used semi-automatic or fully automatic firearms [11].

Так, 49% МУ в США завершились самоубийством убийцы до прибытия на место преступления правоохранителей, а ещё 40% – это сделали несколько позднее. Только 10,6% были арестованы [8]. В отдельном исследовании 30 МУ, совершённых между 1949 и 1998 гг., 56% нападавших покончили жизнь самоубийством или пытались покончить жизнь самоубийством до захвата, 10% – были убиты, а 33% – задержаны живыми. Очевидно, что суицидальное желание – критический компонент этих атак [11]. Это подтверждается наблюдениями D. Lester, согласно которым частота самоубийств у массовых убийц (34,7%) значительно выше, чем у серийных убийц (4,4%). Принимая во внимание, что все самоубийства у массовых убийц происходили при попытках их задержания, 52% самоубийств у серийных убийц произошли после ареста [7]. Отсюда понятны предложения некоторых авторов изучать феномен МУ через призму убийства-самоубийства (ПГСУ), считать МУ отдельной формой ПГСУ [13].

Что касается Российской Федерации, то сколько МУ совершается в стране не известно, не говоря уже о МУ, закончившихся самоубийством. Из выборочных единичных исследований МУ (множественных убийств) составляют не более 7-8%. Многие (78%) были совершены в теплое время года, обычно в помещениях (домах, квартирах), примерно половина – ночью. В качестве орудий убийства использовались различные ножи, реже огнестрельное оружие, удушение руками или веревкой. В подавляющем большинстве случаев жертвами были дети и лица в возрасте 31 год и старше [5]. Таким образом, тема МУ в РФ оказывается мало разработанной, несмотря на учащение таких случаев в стране в начале XXI века. Особый интерес представляют случаи МУ, закончившиеся самоубийством агрессора (МУС).

Цель исследования – изучить случаи МУС в РФ, произошедших в 2002-2021 гг., путём сопоставления их с обычными МУ (ОМУ) и ПГСУ с одной-двумя жертвами.

Материалы и методы.

Проанализированы 47 случаев МУС (44 мужчины и 3 женщины, в возрасте от 16 до 70 лет; средний – $39,9 \pm 13,9$ года) из 32 регионов РФ. Группами сравнения являлись 67 случаев (63 мужчины и 4 женщины, от 15 до 64 года; средний – $34,3 \pm 10,4$) МУ, но без самоубийств агрессоров (ОМУ), из 41 региона РФ и 348 ПГСУ (287 мужчин и 61 женщина, от 15 до 86 лет; $42,6 \pm 14,1$) из 69 регионов РФ.

Suicidal behavior in MM is an important indicator. Willingness to die (be killed by a police officer) or commit suicide is a very common characteristic of such a criminal. Thus, 49% of MM in the United States ended in the killer's suicide before law enforcement officers arrived at the crime scene, and another 40% did this a little later. Only 10.6% were arrested [8]. In a separate study of 30 MMs committed between 1949 and 1998, 56% of attackers committed suicide or attempted suicide prior to capture, 10% were killed, and 33% were caught alive. Obviously, suicidal desire is a critical component of these attacks [11]. This is confirmed by the observations of D. Lester, according to whom the suicide rate of mass murderers (34.7%) is significantly higher than that of serial killers (4.4%). Whereas all suicides among mass killers occurred during attempts to arrest them, 52% of suicides among serial killers occurred after arrest [7]. This explains the proposals of some authors to study the phenomenon of MM through the prism of murder-suicide (HSU), to consider MU as a separate form of HSU [13].

As for the Russian Federation, how many MMs are committed in the country is not known, not to mention the MMs that ended in suicide. Of selective single studies, MM (multiple homicides) make up no more than 7-8%. Many (78%) were committed during the warm season, usually indoors (houses, apartments), about half through the night. Various knives were used as murder weapons, less often firearms, strangulation with hands or a rope. In the vast majority of cases, the victims were children and persons aged 31 and older [5]. Thus, the topic of MM in the Russian Federation is little developed, despite the increase in such cases in the country at the beginning of the 21st century. Of particular interest are cases of MM that ended in the suicide of the aggressor (MMS).

Aim of the study – to study cases of MMS in the Russian Federation that occurred in 2002-2021 by comparing them with conventional MM (OMM) and HSU with one or two victims.

Materials and methods.

We analyzed 47 cases of MMS (44 men and 3 women, aged 16 to 70; mean age

Критериями МУ были три случая смертельной агрессии и более, совершённых в течение короткого промежутка времени и чаще всего в одном месте [3, 5]. Случаи серийных убийств в сравнительное исследование не включались [1, 7, 14].

Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики (M – среднее значение, SD – стандартное отклонение), распределения (теста) χ^2 и t-критерия. Когда один или несколько показателей были равны или меньше пяти, использовали поправку Йейтса.

Результаты исследования.

Как видно из табл. 1, при МУС почти каждое четвертое преступление заканчивалось гибелью пяти и более человек (23,4 vs 9,0%; $\chi^2=4,545$; $df=4$; $p=0,03$), в среднем 3,94 жертвы. При ОМУ жертв в 91% случаев было меньше пяти (в среднем – 3,48). Преступники, совершившие МУС, были достоверно старше агрессоров ОМУ (39,9±13,9 года vs 34,3±10,36; $t=2,464$; $p=0,015$), по соотношению мужчин и женщин, наличию у них ПР и судимости в прошлом группы не различались.

Таблица / Table 1

Распределение количества жертв в двух группах массовых убийств, % / Distribution of the number of victims in two groups of massacres, %

Количество жертв Number of victims	МУС MMS	ОМУ OMM	ПГСУ HGSU
1	–	–	72,1
2	–	–	27,9
3	74,5	71,6	–
4	2,1	19,4	–
5	14,9	6,0	–
6	4,3	–	–
8	–	1,5	–
9	2,1	1,5	–
20	2,1	–	–
Всего Total	100,0	100,0	100,0

Здесь и далее: МУС - МУ с последующим самоубийством агрессора, ОМУ – МУ без самоубийства, ПГСУ – постгомицидные самоубийства. / Here and below: MMS – mass murder with subsequent suicide of the aggressor, OMM – ordinary mass murders without suicide, HGSU – post-homicidal suicides.

Агрессоры с ПГСУ оказались старше всех из трёх групп (средний – 42,6±14,1 года) и имели достоверно меньше в прошлом судимых личностей (2,6% vs 10,6% при МУС и 16,4% при ОМУ; $\chi^2=21,793$; $df=2$; $p<0,001$). Среди них также было больше всего женщин (17,5% vs 6,4% и 6,0%;

39.9±13.9) from 32 regions of the Russian Federation. The comparison groups included 67 cases (63 men and 4 women, aged 15 to 64; mean age 34.3 ± 10.4) of MM, but without suicides of the aggressors (OMM), from 41 regions of the Russian Federation and 348 HSU (287 men and 61 female, 15 to 86 years old; 42.6±14.1) from 69 regions of the Russian Federation.

The criteria for MM were three or more cases of lethal aggression committed within a short period of time and most often in one place [3, 5]. Cases of serial murders were not included in the comparative study [1, 7, 14].

Mathematical-statistical processing was carried out using descriptive statistics (M – mean value, SD – standard deviation), distribution (test) χ^2 and t -criterion. When one or more scores were equal to or less than five, the Yates correction was used.

Research results.

As can be seen from Table. 1, under the MMS almost every fourth crime resulted in the death of five or more people (23.4 vs 9.0%; $\chi^2=4.545$; $df=4$; $p=0.03$), with an average of 3.94 victims. With OMM, in 91% of cases there were less than five victims (on average – 3.48). The perpetrators of the MMS were significantly older than the OMM aggressors (39.9 ±13.9 years vs 34.3±10.36; $t=2.464$; $p=0.015$), in terms of the ratio of men and women, the presence of MD and a criminal record in the groups did not differ in the past.

The aggressors with HSU turned out to be older than all of the three groups (mean age 42.6±14.1) and had significantly fewer criminals in the past (2.6% vs. 10.6% for MMS and 16.4% for OMM; $\chi^2=21.793$; $df=2$; $p<0.001$). Among them, there were also the most women (17.5% vs 6.4% and 6.0%; $\chi^2=8.876$; $df=2$; $p=0.011$) and persons 60 years and older (12.9% vs 8,5% and 1.5%; $\chi^2=7.906$; $df=2$; $p=0.019$).

56.7% of OMM killers were in a state of intoxication at the time of the tort (23.4% in the MMS; $\chi^2=12.507$; $df=1$; $p<0.001$), including drugs (7.5% vs 0% in the MMS; $\chi^2=5.663$; $df=1$; $p=0.01$). The compared groups also differed in terms of murder weapons ($\chi^2=164.9$; $df=12$; $p<0.001$) and the direction of aggression towards the surrounding people ($\chi^2=37.4$; $df=6$; $p<0.001$)

$\chi^2=8,876$; $df=2$; $p=0,011$) и лиц 60 лет и старше (12,9% vs 8,5% и 1,5%; $\chi^2=7,906$; $df=2$; $p=0,019$).

В состоянии опьянения в момент деликта находилось 56,7% убийц ОМУ (23,4% в МУС; $\chi^2=12,507$; $df=1$; $p<0,001$), в том числе наркотического (7,5% vs 0% в МУС; $\chi^2=5,663$; $df=1$; $p=0,01$). Сравнимые группы также различались по орудиям убийства ($\chi^2=164,9$; $df=12$; $p<0,001$) и направленности агрессии на окружающих людей ($\chi^2=37,4$; $df=6$; $p<0,001$) (табл. 2, 3). Мотивами МУС и ОМУ в 42,6-56,7% случаев являлись различного рода конфликты и ссоры ($\chi^2=2,217$; $df=1$; $p>0,05$). При МУС чаще причиной выступали расставание, развод с любимым человеком (партнёром) ($\chi^2=7,512$; $df=1$; $p=0,006$) и финансовые проблемы ($\chi^2=8,667$; $df=1$; $p=0,003$); при ОМУ – различные криминальные ситуации, хулиганство ($\chi^2=5,663$; $df=1$; $p=0,01$).

Таблица / Table 2

Орудия убийства в трех группах агрессоров, %
Murder weapons in three groups of aggressors, %

Орудие убийства Murder weapons	МУС MMS	ОМУ OMM	ПГСУ HGSU	χ^2 , df=2	P
Огнестрельное Gunshot	55,3	7,5	33,3	30,654	<0,001
Колюще-режущие предметы Piercing and cutting objects	31,9	47,8	36,5	3,774	НД*
Взрыв / Explosion	10,7	–	2,9	10,577	0,005
Тупое оружие Blunt weapon	–	4,4	4,9	2,390	НД*
Поджог / Arson	–	22,4	–	91,400	<0,001
Прочее / Other	–	–	18,4	24,337	<0,001
Несколько видов Several kinds	2,1	17,9	4,0	21,005	<0,001
Всего / Total	100,0	100,0	100,0		

Примечание: *НД – не достоверно; *ND – notreliable

Так, убийцы, совершившие МУС, чаще использовали огнестрельное оружие (55,3% vs 7,5% в ОМУ; $\chi^2=29,582$; $df=1$; $p<0,001$) и устраивали взрывы, в том числе с помощью бытового газа (10,6% vs 0% в ОМУ; $\chi^2=5,133$; $df=1$; $p=0,02$). В группе ОМУ прибегали к избиению (при помощи тупого оружия) жертв (4,5% vs 0% в МУС; $\chi^2=4,262$; $df=1$; $p=0,03$), поджогам (22,4% vs 0% в МУС; $\chi^2=14,155$; $df=1$; $p<0,001$) и несколькими орудиями убийства (17,9% vs 2,1% в МУС; $\chi^2=8,462$; $df=1$; $p=0,003$). Колюще-режущие предметы (табл. 2) использовали в обеих группах с одинаковой частотой ($\chi^2=2,862$; $df=1$; $p>0,05$).

(Table 2, 3). The motives of the MMS and OMM in 42.6-56.7% of cases were various kinds of conflicts and quarrels ($\chi^2=2.217$; $df=1$; $p>0.05$). In MMS, the most common causes were separation, divorce from a loved one (partner) ($\chi^2=7.512$; $df=1$; $p=0.006$) and financial problems ($\chi^2=8.667$; $df=1$; $p=0.003$); with OMM these were various criminal situations, hooliganism ($\chi^2=5.663$; $df=1$; $p=0.01$).

Thus, murderers who committed MMS used firearms more often (55.3% vs 7.5% in OMM; $\chi^2=29.582$; $df=1$; $p<0.001$) and set off explosions, including with the help of domestic gas (10.6% vs 0% in OMM; $\chi^2=5.133$; $df=1$; $p=0.02$). In the OMM group, victims were beaten (with blunt weapons) (4.5% vs 0% in the MMS; $\chi^2=4.262$; $df=1$; $p=0.03$), arson (22.4% vs 0% in MMS; $\chi^2=14.155$; $df=1$; $p<0.001$) and multiple murder weapons (17.9% vs 2.1% in MMS; $\chi^2=8.462$; $df=1$; $p=0.003$). Piercing-cutting objects (Table 2) were used in both groups with the same frequency ($\chi^2=2.862$; $df=1$; $p>0.05$).

Aggressors who committed HSU more often resorted to other means of killing such as suffocation, falling from a height, drowning, poisoning ($\chi^2=24.337$; $df=1$; $p<0.001$; Table 2).

Among the victims of the MMS, three groups are distinguished: 1) homogeneous – 14 cases (29.8%) – included one subgroup of victims: work colleagues, colleagues (n=5), children (4), neighbors (3), acquaintances or strangers (2). Women (mothers) before committing suicide in all cases killed three of their children; 2) heterogeneous – 6 cases (12.8%) – included three different groups of victims: spouse, children, relatives (2), spouse, children, acquaintances or strangers (2), spouse, relatives, acquaintances or strangers (2); 3) mixed – 27 cases (57.4%) – included two groups of victims: spouse and children (13 cases), children and relatives (4), children and acquaintances or strangers (4), spouse and acquaintances or strangers (3), relatives and acquaintances or strangers (2), spouse and relatives (1 case). “Destroyers of the family” (those who killed their spouse and children) at the MMS were reported in 29.8%, significantly more often than at OMM (7.5%; $\chi^2=9.912$; $df=1$; $p=0.001$), and a homogeneous group of

Агрессоры, совершившие ПГСУ, чаще прибегают к прочим способам (удушению, падению с высоты, утоплению, отравлению) убийства ($\chi^2=24,337$; $df=1$; $p<0,001$; табл. 2).

Среди жертв МУС выделяются три группы: 1) однородная – 14 случаев (29,8%) – включала одну подгруппу потерпевших: коллег по работе, сослуживцев ($n=5$), детей (4), соседей (3), знакомых или незнакомых (2). Женщины (матери) перед самоубийством во всех случаях убивали трёх своих детей; 2) неоднородная – 6 случаев (12,8%) – включала три разные группы потерпевших: супругу, детей, родственников (2), супругу, детей, знакомых или незнакомых (2); 3) смешанная – 27 случаев (57,4%) – включала две группы потерпевших: супругу и детей (13 случаев), детей и родственников (4), детей и знакомых или незнакомых (4), супругу и знакомых или незнакомых (3), родственников и знакомых или незнакомых (2), супругу и родственников (1 случай). «Уничтожители семьи» (убившие супругу и детей) при МУС встречались в 29,8%, достоверно чаще, чем при ОМУ (7,5%; $\chi^2=9,912$; $df=1$; $p=0,001$), а однородная группа жертв – реже (29,8% vs 77,6% преимущественно знакомые и соседи при ОМУ; $\chi^2=25,918$; $df=1$; $p<0,001$).

Таблица / Table 3

Жертвы убийств в трех группах агрессоров, %
Murder victims in three groups of aggressors, %

Жертвы Victims	МУС MMS	ОМУ OMM	ПГСУ HGSU	χ^2 , $df=2$	Р
Супруг(а) Spouse	53,2	25,4	40,2	9,366	0,009
Дети Children	55,3	32,8	27,6	14,919	<0,001
Родственники Relatives	31,9	23,9	11,8	16,858	<0,001
Не члены семьи Not family members	44,7	70,1	20,4	71,399	<0,001

Возраст жертв МУ колебался в широких пределах: МУС – от 1,5 месяцев до 84 лет (в среднем – $31,5\pm 21,5$ года), ОМУ – 0,4 до 79 лет (в среднем – $33,1 \pm 20,5$ года). Как видно из табл. 3, агрессоры, совершившие МУС, достоверно чаще убивали своих супруг (гражданских жён, партнёров) (53,2% vs 25,4% в ОМУ; $\chi^2=9,187$; $df=1$; $p=0,002$) и детей (55,3% vs 32,8%; $\chi^2=5,728$; $df=1$; $p=0,01$). В ОМУ таковыми чаще были знакомые люди, но не члены семьи (не родственники) (70,1% vs 44,7%; $\chi^2=7,444$;

victims – less frequently (29.8% vs 77.6% predominantly acquaintances and neighbors with OMM; $\chi^2=25.918$; $df=1$; $p<0.001$).

The age of MM victims varied widely: MMS – from 1.5 months to 84 years (mean age – 31.5 ± 21.5 years), OMM – 0.4 to 79 years (mean age – 33.1 ± 20.5 years). As can be seen from Table 3, the aggressors who committed MMS were significantly more likely to kill their spouses (common-law wives, partners) (53.2% vs 25.4% in OMM; $\chi^2=9.187$; $df=1$; $p=0.002$) and children (55.3% vs 32.8%; $\chi^2=5.728$; $df=1$; $p=0.01$). In OMM, these were more often acquaintances, but not family members (not relatives) (70.1% vs 44.7%; $\chi^2=7.444$; $df=1$; $p=0.006$), in some cases drinking buddies (7.5% vs 0%; $\chi^2=5.663$; $df=1$; $p=0.01$). Since there were many victims in each delict, acquaintances are strangers to children (17.9 vs 4.3% in the MMS; $\chi^2=6.132$; $df=1$; $p=0.01$), all victims are not relatives (55.3% vs 7.5% in OMM; $\chi^2=29.582$; $df=1$; $p<0.001$), in 9% of cases the aggressors who committed OMM, which was not observed in the MMS group, killed (arson) several of their relatives (0% in MUS; $\chi^2=4.443$; $df=1$; $p=0.03$).

Aggressors with MM more often committed suicide with the help of firearms (55.3% vs 33.3% with HSU; $\chi^2=8.949$; $df=1$; $p=0.002$) or explosions, including household gas (12.8% vs. 3.2%, $\chi^2=9.275$, $df=1$, $p=0.002$); killers with HSU more often resorted to self-hanging (26.7% vs 8.5% in the MMS; $\chi^2=4.864$; $df=1$; $p=0.02$).

Here is a personal observation of the MMS (post-mortem forensic psychological and psychiatric examination), which happened in the Federal Penitentiary System of the Russian Federation (Federal Penitentiary Service) with three victims from among the employees of junior and middle commanding staff.

Observation 1.

A.A., 33 years old. No hereditary MD. He grew up and developed normally, in a complete family. Relations with parents and older sister throughout life were good. He graduated from high school, a vocational school, received the specialty "master of rural construction". He was hardworking, careful and polite. By nature, he is sociable, calm, even in relation to his comrades.

df=1; p=0,006), в ряде случаев собутыльники (7,5% vs 0%; $\chi^2=5,663$; df=1; p=0,01). Поскольку жертв в каждом деликте было много, то знакомые – незнакомые с детьми (17,9 vs 4,3% в МУС; $\chi^2=6,132$; df=1; p=0,01), все жертвы не родственники (55,3% vs 7,5% в ОМУ; $\chi^2=29,582$; df=1; p<0,001), в 9% случаев агрессоры, совершившие ОМУ, чего не наблюдалось в группе МУС, убивали (поджог) нескольких своих родственников (0% в МУС; $\chi^2=4,443$; df=1; p=0,03).

Агрессоры с МУ чаще совершали самоубийство с помощью огнестрельного оружия (55,3% vs 33,3% при ПГСУ; $\chi^2=8,949$; df=1; p=0,002) или взрывов, в том числе бытового газа (12,8% vs 3,2%; $\chi^2=9,275$; df=1; p=0,002); убийцы с ПГСУ чаще прибегали к самоповешению (26,7% vs 8,5% в МУС; $\chi^2=4,864$; df=1; p=0,02).

Приводим наблюдение МУС, случившееся в ФСИН РФ с тремя жертвами из числа сотрудников младшего и среднего начальствующего состава.

Наблюдение 1.

А.А., 33 г. Наследственность ПР не отягощена. Рос и развивался нормально, в полной семье. Отношения с родителями и старшей сестрой на протяжении всей жизни были хорошими. Окончил 11 классов школы, профессиональное училище, получил специальность «мастер сельского строительства». Был трудолюбивым, аккуратным, вежливым. По характеру общительный, спокойный, ровный в отношении с товарищами. Физически был развит. Любил спорт. Поведение всегда – примерное, прилежание – хорошее. Служил в армии, демобилизовался в звании старшины. Кратковременно работал каменщиком, уволился в связи с переходом на работу в ФСИН. За время службы испытуемый имел ряд благодарностей и денежных поощрений, награждён медалью за службу 3 ст. Был представлен к званию прапорщика, затем – старшего прапорщика внутренней службы. По материалам аттестаций, проводимых в региональной ФСИН, испытуемый соответствовал занимаемой должности, характеризовался положительно: спокойным, уравновешенным, в общении со старшими и товарищами по службе – вежливым, тактичным, добросовестным, исполнительным и дисциплинированным.

Из служебной характеристики старшего прапорщика внутренней службы: «А.А. зарекомендовал себя добросовестным и исполнительным сотрудником. Приказы и другие нормативные документы, регламентирующие деятельность следственных изо-

Physically developed. Loved sports. Behavior is always exemplary, diligence is good. He served in the army, was demobilized with the rank of foreman. For a short time he worked as a bricklayer of the 3rd category, quit in connection with the transfer to work in the Federal Penitentiary Service. During the service, the test subject had a number of gratitudes and monetary rewards, was awarded a medal for service of the 3rd degree. He was introduced to the rank of warrant officer, later became senior warrant officer of the internal service. According to the materials of the assessments conducted in the regional Federal Penitentiary Service, the subject corresponded to the position held, was characterized positively: calm, balanced, in communication with elders and fellow employees is polite, tactful, conscientious, executive and disciplined.

From the official characteristics of the senior warrant officer of the internal service: “A.A. has proven himself to be a conscientious and diligent employee. Orders and other normative documents regulating the activities of pre-trial detention centers of the penitentiary system, he knew in sufficient volume. During his service he was promoted eight times, one reprimand for absenteeism. He regularly worked to improve his professional level, including in combat and special training classes. He knew the material part of small arms, he confidently owned service weapons. In dealing with elders and comrades in the service, he was polite and tactful. He behaved with dignity in everyday life and public places. According to A.A.'s outpatient card, the subject was regularly examined by a psychiatrist, the diagnosis was “healthy”. He was observed by a cardiologist with a diagnosis of vegetovascular dystonia of hypertonic type. Syndrome of connective tissue dysplasia of the heart: aneurysm of the interatrial septum, mitral valve prolapse with regurgitation I degree. Abnormal chord of the left ventricle.

A.A. was previously married to N.G., had a son with her. The couple divorced due to conflicts with the mother-in-law, who lived with them. The wife characterizes A.A. as calm, usually non-confrontational. Relations with neighbors and in the team were even. At the same time, at work with

ляторов уголовно-исполнительной системы, знал в достаточном объёме. За время службы имел восемь поощрений, один выговор за допущенный прогул. Регулярно работал над повышением своего профессионального уровня, в том числе на занятиях по боевой и специальной подготовке. Материальную часть стрелкового вооружения знал, табельным оружием владел уверенно. В обращении со старшими и товарищами по службе был вежлив и тактичен. В быту и общественных местах вёл достойно». По данным амбулаторной карты А.А., испытуемый регулярно осматривался психиатром, диагноз: «здоров». Наблюдался у кардиолога с диагнозом: Вегетососудистая дистония по гипертоническому типу. Синдром соединительно-тканной дисплазии сердца: аневризма межпредсердной перегородки, пролапс митрального клапана с регургитацией I степени. Аномальная хорда левого желудочка.

А.А. ранее был женат на Н.Г., от брака имел сына. Развёлся из-за конфликтов с тещей, которая проживала вместе с ними. Жена характеризует А.А., как спокойного, обычно неконфликтного. Отношения с соседями и в коллективе были ровными. При этом на работе со своими сослуживцами А.А. нередко отмечал различные праздники, иногда злоупотреблял спиртными напитками, часто приходил домой в нетрезвом состоянии. В такие моменты он становился агрессивным, мог ударить...

После развода А.А., проживал в гражданском браке с женщиной примерно такого же, как и сам, возраста. По её оценкам: был очень спокойным, уравновешенным, в рабочем коллективе старался со всеми поддерживать хорошие взаимоотношения, пользовался уважением. При этом указала, что какие-то конфликты с другими сотрудниками случались. Так, однажды его сослуживец – непосредственный начальник (позднее один из убитых испытуемым), увидев нас, предложил довезти нас на своей машине, но А.А. отказался. Когда он отъехал, А.А. сказал, что «не хочет мараться и связываться с ним, быть ему чем-то обязанным».

Перед совершённым преступлением А.А. также как-то рассказал, что «на работе в последнее время возникли проблемы, не дают спокойно работать, хотят его подставить во время дежурства. Когда он отдыхал, кто-то из его сослуживцев сказал про него: «Вот, лежит, притворяется, что спит, а сам, наверное, слушает, о чём мы тут говорим». На работе его часто ставили начальником или помощником начальника караула., из-за этого, его могли недолюбливать со-

his colleagues A.A. often celebrated various holidays, sometimes abused alcohol, often came home in a state of intoxication. At such moments, he became aggressive, could hit ...

After the divorce, A.A. lived in a civil marriage with a woman of about the same age as himself. According to her estimates: he was very calm, balanced, in the work team he tried to maintain good relations with everyone, he was respected. At the same time, she indicated that there were some conflicts with other employees. So, one day his colleague – the immediate superior (later one of those killed by him), saw us and offered to take us in his car, but A.A. refused. When he drove off, A.A. said that he "does not want to get dirty and mess with him, to be indebted to him for something."

Before the crime A.A. once said that "lately there have been problems at work, they don't let him work quietly, they want to set him up while on duty. When he was resting, one of his colleagues said about him: "Here, he is lying, pretending to be asleep, while he himself is probably listening to what we are talking about." At work, he was often appointed head or assistant head of the guard, because of this, his colleagues could not like him, envy him ... He said several times that he quarreled with the later killed R.S., as he did not follow his instructions. According to the testimony of the mother of the subject, "A.A. once said that they pick on him at work for no reason". According to a colleague L.O., the subject "did not always understand humor, could be offended by a joke ...".

According to the testimony of R.N., Deputy. the head of the pre-trial detention center: the subject had "family problems: the ex-wife and mother-in-law forbade A.A. to meet his son. His first wife, about a few days before the incident, left with the child to Moscow; she was pregnant from some person of Caucasian nationality. A.A.'s colleagues he was saying that because of this he was very angry and said that he would come home and "tear his ex-wife's stomach."

It was established that at 6:15 a.m. officer A.A. one of the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, while on duty and being on

служивцы, завидовать ему... Несколько раз говорил, что ссорился с позднее убитым Р.С., так как тот не выполнял его указания». По показаниям матери подэкспертного, «А.А. как-то говорил, что к нему на работе придираются без причины». Со слов сослуживца Л.О., испытуемый «не всегда понимал юмор, мог обидеться на шутку...».

По показаниям Р.Н., зам. начальника следственного изолятора: у подэкспертного были «семейные проблемы: бывшая супруга и теща запрещали А.А. встречаться с сыном. Его первая жена примерно за несколько дней до инцидента уехала вместе с ребёнком в Москву; она была беременна от какого-то лица кавказской национальности. Сослуживцы А.А. рассказывали, что из-за этого он был очень обозлён; говорил, что придёт домой и «порвет своей бывшей жене живот».

Установлено, что в 6 часов 15 минут сотрудник А.А. одного из учреждений ФСИН РФ, исполняя служебные обязанности и находясь в помещении караула, произвёл одиночные выстрелы из автомата АК-7,62 в сотрудников учреждения Р.С., И.А., В.А. После чего А.А. застрелился из него сам. В.А. и А.А. умерли на месте происшествия, И.А. и Р.С. скончались позднее в ЦРБ.

Из материалов дела следует, что подэкспертный заступил на дежурство вне плана, заменив другого сотрудника. Перед дежурством был осмотрен фельдшером, которая отклонений в состоянии здоровья, признаков алкогольного опьянения и неадекватного поведения у испытуемого не обнаружила. Старший психолог также оценила его психологическое состояние как нормальное. По пути в караульное помещение А.А. вёл себя спокойно, шутил. Все, кроме него оставили оружие в место хранения – «пирамиду». В это время А.А., присоединил снаряжённый магазин, дослал патрон в патронник, направил оружие (автомат Калашникова модернизированный 7,62 мм) в сторону присутствующих в караульном помещении со словами: «на колени!», затем произвёл один выстрел в пол. Увидел, что его требование не выполнено, в ответ на попытки сослуживцев успокоить его, А.А. произвёл поочередно одиночные выстрелы в Р.А., И.Л. и начальника караула отдела охраны В.А. После этого А.А. позвонил со своего мобильного телефона своей гражданской жене (попрощался и сказал, где лежат его деньги), после чего произвёл выстрел из автомата себе в грудь. От полученного огнестрельного ранения скончался на месте.

Исследование психолога. Психологический ана-

guard, fired single shots from an AK-7.62 assault rifle at employees of the institution R.S., I.A., V.A. After that A.A. shot himself with it. V.A. and A.A. died at the scene, I.A. and R.S. later died at the Central District Hospital.

It follows from the case file that the expert took up duty outside the plan, replacing another employee. Before duty, he was examined by a paramedic, who did not find any deviations in the state of health, signs of alcohol intoxication and inappropriate behavior in the subject. The senior psychologist also assessed his psychological state as normal. On the way to the guardroom A.A. behaved calmly, joked. Everyone except him left the weapons in the place of storage – the "pyramid". At this time, A.A. attached an equipped magazine, sent a cartridge into the chamber, pointed a weapon (a modernized 7.62 mm Kalashnikov assault rifle) towards those present in the guardroom with the words: "on your knees!", then fired one shot at the floor. He saw that his demand was not followed, in response to the attempts of his colleagues to reassure him, A.A. fired alternately single shots at R.A., I.L. and the head of the guard of the security department V.A. After that, A.A. called his common-law wife from his mobile phone (he said goodbye and said where his money was), after which he fired a shot from a machine gun in his chest. He died on the spot from the gunshot wound.

Psychologist research. Psychological analysis of the presented materials of the criminal case and the documents attached to it makes it possible to identify the following individual psychological characteristics of the subject: the general intellectual level is close to average, corresponds to the lifestyle and education received; introverted, prone to internal processing of emotional experiences, subjective in assessing social situations; there is some secrecy, distrust with the expectation of an unfriendly attitude, exaggerated through the prism of increased sensitivity to criticism, with difficulties in interpersonal contacts, internal self-doubt, anxiety, increased vulnerability, slight vulnerability, dissatisfaction with claims, instability and pain in self-esteem, with an increased need for recognition; wants to increase his importance in the eyes of others,

лиз представленных материалов и документов позволяет выявить следующие индивидуально-психологические особенности подэкспертного: общий интеллектуальный уровень близок к среднему, соответствует образу жизни и полученному образованию; интровертирован, склонен к внутренней переработке эмоциональных переживаний, субъективен в оценке социальных ситуаций; имеется некоторая скрытность, недоверчивость с ожиданием недоброжелательного отношения, преувеличенного через призму повышенной чувствительности к критике, с затруднениями в межличностных контактах, внутренняя неуверенность в себе, тревожность, повышенная ранимость, лёгкая уязвимость, неудовлетворённость притязаний, неустойчивость и болезненность самооценки, с повышенной потребностью признания; хочет повысить свою значимость в глазах окружающих, но повышено чувствителен к мнимым и действительным несправедливостям, требователен к себе и другим, ригиден в аффективной сфере, поведении и переживаниях; склонен болезненно переживать неудачи, склонен к фиксации на негативных переживаниях, к образованию ригидных установок, идей с высоким уровнем тревожности, с тенденцией к протестным реакциям, склонностью к колебаниям настроения с тенденцией к пессимистичности, эмоциональной нестабильности, конфликту между тенденцией к повышенному самоконтролю с импульсивностью, агрессивностью. Отмечаются минусы преобладающих у испытуемого форм психологической защиты: рационализации, отрицания, проекции. Итак, интеллектуальный уровень близок к среднему, в личностном плане прослеживается дисгармоничность с наличием эпилептоидного, сензитивного радикалов со склонностью к декомпенсациям.

Заключение: А.А. в течение жизни и во время совершения, инкриминируемого ему деяния, каким-либо психическим расстройством не страдал. Во время совершения деликта А.А. мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В период, предшествовавший его смерти каких-либо психопатологических нарушений, предрасполагающих к самоубийству у А.А. не имелось. По состоянию своего психического здоровья А.А. был годен к выполнению своих служебных и профессиональных обязанностей, в психиатрическом освидетельствовании, диспансерном наблюдении, госпитализации, лечении в психиатрическом стационаре и иных психиатрических мерах не нуждался.

but is highly sensitive to imaginary and real injustices, demanding of himself and others, rigid in the affective sphere, behavior and experiences; tend to experience failure painfully, tend to fixate on negative experiences, to form rigid attitudes, ideas with a high level of anxiety, with a tendency to protest reactions, a tendency to mood swings with a tendency to be pessimistic, emotional instability, a conflict between a tendency to increased self-control with impulsivity, aggressiveness. The disadvantages of the forms of psychological defense prevailing in the subject are noted: rationalization, denial, projection. So, the intellectual level is close to the average, in personal terms there is disharmony with the presence of epileptoid, sensitive radicals with a tendency to decompensation.

Conclusion: A.A. during his life and during the commission of the act incriminated to him, he did not suffer from any mental disorder. During the commission of the delict A.A. could realize the actual nature and social danger of his actions and manage them. In the period preceding his death, any psychopathological disorders predisposing to suicide in A.A. there wasn't. According to the state of his mental health, A.A. was fit to perform his official and professional duties, did not need a psychiatric examination, dispensary observation, hospitalization, treatment in a psychiatric hospital and other psychiatric measures.

Psychologist's conclusions: 1. Psychological analysis of the submitted materials of the criminal case and the documents attached to it allows us to conclude that at the time of the commission of the crime, the subject was not in a state of physiological affect or other emotional state of a non-painful nature, which could have a significant impact on his consciousness and activity. The structure of activity, purposefulness of behavior, the ability to perform multi-stage activities were preserved (the subject fired single shots purposefully at certain people, was able to control the environment well, the actions of others). At the time of the crime, the subject could be in a state of emotional stress that did not reach the degree of affect, which was reflected in his behavior, but did not have a significant impact on his ability to realize the actual na-

Выводы психолога: 1. Психологический анализ представленных материалов уголовного дела и приобщенных к нему документов позволяет заключить, что в момент совершения преступления подэкспертный не находился в состоянии физиологического аффекта или другом эмоциональном состоянии неболлезненного характера, которое могло бы оказать существенное влияние на его сознание и деятельность. Сохранялась структура деятельности, целенаправленность поведения, возможность выполнения многоэтапной деятельности (испытуемый стрелял одиночными выстрелами целенаправленно в определенных людей, был способен хорошо контролировать окружающую обстановку, действия окружающих). В момент совершения преступления испытуемый мог находиться в состоянии эмоционального напряжения, не достигавшего степени аффекта, которое нашло отражение в его поведении, но не оказало существенного влияния на его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. 2. Психологический анализ не позволяет однозначно оценить, что послужило психотравмирующим фактором и дать однозначный ответ о влиянии индивидуально-психологических особенностей испытуемого на его поведение в момент совершения преступления. Можно сделать вероятностный вывод о наличии внутриличностного конфликта (связанного с противоречиями между притязаниями и реальностью. В момент, непосредственно предшествующий смерти, подэкспертный находился в состоянии эмоционального напряжения, сопровождавшегося высказываниями антивитальной направленности (о чём свидетельствуют показания участников исследуемой ситуации: из показаний С.Л.: «А.А.сказал, что ему всё надоело, или что ему уже не жить»; Д.В.: «Я помню, что З.Б. пытался его успокоить, но тот только орал, что терять ему нечего»; из показаний И.Г.: «А.А. только ругался, говорил, что все облаглели, не дают ему жить... Он постоянно орал. Смысл его слов был в том, что ему уже ничего не нужно, что его довели»; И.Г.: «А.А.: «Всё надоело, задолбали, мне теперь всё равно... А.А. часто повторял: «Мне терять нечего, мне всё равно».

Индивидуально-психологические особенности подэкспертного (интровертированность, субъективизм в оценке ситуаций, коммуникативные затруднения, психическая негибкость, повышенная требовательность к себе и окружающим, уязвимость, обостренная чувствительность, эмоциональная не-

ture and social danger of his actions and manage them. 2. The psychological analysis of the presented materials of the criminal case and the documents attached to it does not allow us to unambiguously assess what served as a psycho-traumatic factor and give an unambiguous answer about the influence of the individual psychological characteristics of the subject on his behavior at the time of the crime. We can make a probabilistic conclusion about the presence of an intrapersonal conflict (associated with contradictions between claims and reality. At the moment immediately preceding death, the subject was in a state of emotional stress, accompanied by statements of an antivital orientation (as evidenced by the testimony of the participants in the situation under study: from the testimony of S. L.: "A.A. said that he was not fed up with everything, or that he would no longer live"; D.V.: "I remember that Z.B. tried to calm him down, but he only yelled that he had nothing to lose "; from the testimony of I.G.: "A.A. only cursed, said that everyone was insolent, did not allow him to live ... He constantly yelled. The meaning of his words was that he no longer needed anything, that he was brought to"; I.G.: "A.A.: "I'm tired of everything, I'm sick of it, now I don't care ... A.A. often repeated: "I have nothing to lose, I don't care".

Individual psychological characteristics of the subject (introversion, subjectivity in assessing situations, communication difficulties, mental inflexibility, increased demands on oneself and others, vulnerability, heightened sensitivity, emotional instability, a tendency to fixate on negative experiences, internal uncertainty, dissatisfaction with claims, soreness and lability self-esteem, etc.), preventing adequate processing of intrapersonal conflict against the background of emotional stress, could contribute to the decision to commit suicide. Thus, according to the psychologist: at the time of the crime, the subject was not in a state of passion: he was not in a state of physiological passion; was not in another emotional state of a non-painful nature, which could significantly affect his consciousness and activity. The individual psychological characteristics of the subject against the background of emotional stress

стабильность, склонность к фиксации на негативных переживаниях, внутренняя неуверенность, неудовлетворённость притязаний, болезненность и лабильность самооценки и др.), препятствуя адекватной переработке внутриличностного конфликта на фоне эмоционального напряжения могли способствовать принятию решения покончить жизнь самоубийством. Таким образом, по мнению психолога: в момент совершения преступления испытуемый не находился в состоянии аффекта: не находился в состоянии физиологического аффекта; не находился в другом эмоциональном состоянии неболезненного характера, которое могло бы существенно повлиять на его сознание и деятельность. Индивидуально - психологические особенности подэкспертного на фоне эмоционального напряжения могли способствовать принятию решения покончить жизнь самоубийством.

Описанный случай с убийством из служебного оружия трёх сотрудников на рабочем месте (учреждении уголовно-исполнительной системы) является одним из типичных сценариев МУ и получил термин «расстрел караула»: сотрудник перед заступлением или после заступления на пост, получив оружие и боеприпасы, открывал по ним огонь на поражение; обычно после этого скрывался с оружием [15]. Явного конфликта с окружающими у подэкспертного не было, но среди жертв оказались два человека, с которыми у него в прошлом происходили какие-то «трения». По классификации МУ, данный случай можно отнести к типу «недовольный сотрудник» (обиженный сотрудник, который недоволен начальником, коллегой(ами) или каким-либо аспектом рабочей среды. Он перекладывает вину на других и в некотором роде чувствует себя обиженным. Скорее всего, у него депрессия, внутриличностный конфликт) [6].

Известно, что сотрудники полиции и охранники тюрем подвержены повышенному риску самоубийств, и такая самоагрессия может распространяться на других людей [16, 17]. Согласно литературе, жертвами обычно оказываются супруги (знакомые женщины), члены семьи, а коррелятами – доступность огнестрельного оружия и профессиональные вредности, приводящие к эмоциональному выгоранию. Коллеги по работе также довольно распространённая группа жертв МУ [6]. Особенно критичным состоянием и фактором риска самоубийств является безнадёжность, связанная с профессиональным стрессом, эмоциональным истощением и снижением личных достижений; безнадёжность выявляется у 26,5% сотрудников правоохранительных орга-

could contribute to the decision to commit suicide.

The described case with the murder of three employees from service weapons at the workplace (an institution of the penitentiary system) is one of the typical scenarios of MM and received the term “shooting of the guard”: an employee, before or after taking up a post, having received weapons and ammunition, opened them shoot to kill; usually after that he hid with weapons [15]. The subject did not have a clear conflict with those around him, but among the victims were two people with whom he had some kind of “friction” in the past. The MM classifies this case as a “disgruntled employee” (a hurt employee who is dissatisfied with a boss, colleague(s), or some aspect of the work environment. They shift the blame to others and feel offended in some way. Most likely, he has depression, intrapersonal conflict) [6].

It is known that police officers and prison guards are at increased risk of suicide, and such self-harm can spread to other people [16, 17]. According to the literature, the victims are usually spouses (female acquaintances), family members, and the correlates are the availability of firearms and occupational hazards, leading to emotional burnout. Work colleagues are also a fairly common group of victims of MM [6]. A particularly critical condition and risk factor for suicide is hopelessness associated with professional stress, emotional exhaustion and a decrease in personal achievements; hopelessness is detected in 26.5% of law enforcement officers [18]. According to the conclusion of the psychologist, our subject (aggressor) had individual psychological characteristics (disharmony) of the personality, lack of psychological protection in a state of emotional stress, accompanied by statements and hopelessness (disappointment, inevitable misfortune). The noted circumstances fit into the factors described in the literature and contributing to MM [6].

More typical examples are still the so-called mass executions [10, 19] committed by "school shooters" [20]. Let us consider a case (the largest in terms of the number of victims of MM in an educational institution in the recent history of Europe) that occurred several years ago in one of the re-

нов [18]. По заключению психолога у нашего подэкспертного (агрессора) имелись индивидуально-психологические особенности (дисгармоничность) личности, недостаточность психологической защиты в состоянии эмоционального напряжения, сопровождающаяся высказываниями и безнадёжностью (разочарованием, неизбежным несчастьем). Отмеченные обстоятельства укладываются в факторы, описанные в литературе, и способствующие МУ [6].

Более типичными примерами всё же являются так называемые массовые расстрелы [10, 19], совершаемые «школьными стрелками» [20]. Рассмотрим случай (крупнейшее по количеству жертв МУ в учебном заведении в новейшей истории Европы), произошедший несколько лет назад в одном из регионов РФ, и включенный в наше исследование.

Наблюдение 2¹.

ВИР, 18 лет. Отец злоупотреблял алкогольными напитками, часто избивал домочадцев. Мать состояла в секте, работала санитаркой в городском онкологическом центре. Родители развелись, когда ВИР было 10 лет. Рос тихим, замкнутым, друзей не имел. Известно, что жестоко обращался с животными (душил и мучил кошек и др.). Будучи религиозной сектанткой, мать запрещала ВИР смотреть телевизор, слушать музыку, отмечать праздники, участвовать в школьных мероприятиях, ходить в кружки и секции. Проживал с матерью на съёмной квартире. В школе учился удовлетворительно. Со слов одноклассницы, ВИР «бил девочек, прогуливал школу», «в 8-9 классе... принёс гранату времен войны в школу», «он материл маму, не воспринимал её вообще», бывали случаи, когда он пропускал уроки, убегал из дома; «... был человеком, которому на всё наплевать», «у него напрочь отсутствовали такие качества, как доброта и жалость». С появлением ноутбука ВИР стал подолгу играть в компьютерные игры в жанре шутера («стрелялки»; от англ. shooter – стрелок) – Doom, GTA, «Метро 2033» (игроки участвуют в убийствах и других преступлениях с использованием огнестрельного и любого другого оружия).

После девятого класса поступил в колледж на бюджет по направлению подготовки «Монтаж, наладка и эксплуатация электрооборудования промышленных и гражданских зданий». Получал стипендию. Кроме компьютерных игр, активно интересовался маньяками, нацистской тематикой, а также

regions of the Russian Federation and included in our study.

Observation 2¹.

VIR, 18 years old. The father abused alcoholic beverages, often beat up family members. Mother was a member of a sect, worked as a nurse in the city cancer center. Parents divorced when VIR was 10 years old. He grew up quiet, withdrawn, had no friends. It is known that he treated animals cruelly (strangled and tortured cats, etc.). Being a religious sectarian, the mother forbade VIR to watch TV, listen to music, celebrate holidays, participate in school events, go to circles and sections. He lived with his mother in a rented apartment. He studied satisfactorily at school. According to a classmate, VIR “beat girls, skipped school”, “in the 8th-9th grade he ... brought a II world war grenade to school”, “he cursed his mother, did not treat her well at all”, there were times when he skipped classes, ran away from home; “he ... was a man who doesn’t give a damn about anything”, “he completely lacked such qualities as kindness and pity.” With the advent of the laptop, VIR began to play computer games in the shooter genre for a long time – Doom, GTA, Metro 2033 (players participate in murders and other crimes using firearms and any other weapons).

After the ninth grade, he entered college on a budget in the direction of preparation "Installation, adjustment and operation of electrical equipment of industrial and civil buildings." Received a scholarship. In addition to computer games, he was actively interested in maniacs, Nazi themes, as well as photos and videos depicting violence, looking for information about weapons and their alteration, about creating explosives. He liked to watch videos on the Internet depicting various massacres, for example, the dismemberment of people; visited sites and forums where fans of mass and serial murders gathered. He called his Twitter account "I want to die."

In his freshman year, he enthusiastically told his classmates about the film "The Class" (a film by Estonian director I. Raag based on the events at the American Col-

¹ Часть данных с изменениями взято с сайтов: <https://www.yburlan.ru/biblioteka/psihiatry-pedagog-i-psiholog-o-kerchenskom-strelke-pochemu-on-poshel-ubivat>; <https://ru.wikipedia.org/wiki>; <https://news.allcrimea.net/news/2018/10/26/roslyakov-smodeliroval-boinju-na-kompjutere-i-hotel-szhech-kolledzh-109513>; <https://newizv.ru>

фото и видео с изображением насилия, искал информацию об оружии и его переделке, о создании взрывчатки. Любил просматривать видео в интернете с изображением различных расправ, например, расчленения людей; посещал сайты и форумы, где собирались поклонники массовых и серийных убийств. Свой аккаунт в Twitter назвал «Хочу умереть».

На первом курсе с восторгом рассказывал одноклассникам о фильме «Класс» (фильм эстонского режиссера И. Раага, снятого по событиям в американской школе «Колумбайн» весной 1999 г., когда два подростка застрелили в своей школе 13 человек, а затем совершили самоубийство). Был случай, когда ВИР распрыскал в учебном корпусе колледжа перцовый баллончик и сорвал занятия. Имел аккаунты в социальных сетях под вымышленными именами и фамилиями («ВКонтакте», Telegram) и тайный аккаунт для общения с неонацистами. Вместо аватара использовал фото маньяка А. Оноприенко, убившего 52 человека в 80-90 годах прошлого века. Со слов бывшей девушки, незадолго до МУ ВИР говорил о потере доверия к людям, жаловался, что его унижают, и хотел поквитаться со своими обидчиками; на момент совершения деликта обучался на четвёртом курсе.

Из сведений правоохранительных органов известно, что ВИР планировал МУ с января 2017 г. Летом 2018 г. прошёл шестичасовой курс, на котором ему преподавали технику безопасности и правила обращения с оружием. После прохождения курса ему было выдано свидетельство. В сентябре 2018 г. ВИР осматривался врачом-психиатром для получения разрешения на оружие: на момент приёма противопоказаний для владения оружием обнаружено не было. Чуть позднее ВИР легально приобрёл огнестрельное оружие (помповое ружье Hatsan Escort) и 150 патронов с картечью, получил на него разрешение от исполнительного органа, занимающегося оборотом оружия.

Перед преступлением ВИР сжёг свои личные вещи на пустыре, а также тетради, фото, флешки, СИМ-карту и Библию. Подражая одному из массовых убийц, расстрелявшим школьников в США (школа «Колумбайн»), одел белую майку с надписью «Ненависть», чёрные брюки и берцы.

По версии следствия, утром 17 октября 2018 г. ВИР, имея при себе самодельные взрывные устройства и помповое ружье, проник на территорию учебного заведения. В результате взрывов и стрельбы погибли 20 человек (15 учащихся, из них 11 несовершеннолетних, и пять сотрудников учебного заве-

дминистрации школы в начале весны 1999 г., когда два подростка убили 13 человек в их школе и затем совершили самоубийство). Был случай, когда ВИР распылил перцовый газ внутри здания колледжа и нарушил занятия. Он имел аккаунты в социальных сетях под вымышленными именами и фамилиями («ВКонтакте», Telegram) и секретный аккаунт для общения с неонацистами. Как аватар, он использовал фото маньяка А. Оноприенко, убившего 52 человека в 80-90 годах прошлого века. Согласно его бывшей девушке, незадолго до МУ ВИР говорил о потере доверия к людям, жаловался, что его унижают, и хотел поквитаться со своими обидчиками; на момент совершения деликта он был в четвёртом классе.

Из информации правоохранительных органов известно, что ВИР планировал МУ с января 2017 г. Летом 2018 г. он прошёл шестичасовой курс, на котором ему преподавали технику безопасности и правила обращения с оружием. После прохождения курса ему было выдано свидетельство. В сентябре 2018 г. ВИР осматривался врачом-психиатром для получения разрешения на оружие: на момент приёма противопоказаний для владения оружием обнаружено не было. Чуть позднее ВИР легально приобрёл огнестрельное оружие (помповое ружье Hatsan Escort) и 150 патронов с картечью, получил на него разрешение от исполнительного органа, занимающегося оборотом оружия.

Перед преступлением ВИР сжёг свои личные вещи на пустыре, а также тетради, фото, флешки, СИМ-карту и Библию. Подражая одному из массовых убийц, расстрелявшим школьников в США (школа «Колумбайн»), одел белую майку с надписью «Ненависть», чёрные брюки и берцы.

По версии следствия, утром 17 октября 2018 г. ВИР, имея при себе самодельные взрывные устройства и помповое ружье, проник на территорию учебного заведения. В результате взрывов и стрельбы погибли 20 человек (15 учащихся, из них 11 несовершеннолетних, и пять сотрудников учебного заве-

дения); пострадали 67 человек. После совершения преступления направился в библиотеку колледжа, где совершил самоубийство, выстрелив себе в голову из ружья. Тело ВИР несколько недель оставалось невостребованным, однако, вероятно, оно было кремировано, а прах захоронен в тайном месте и под чужой фамилией¹.

Представленный случай массовой стрельбы укладывается в два типа (варианта) МУ, которые называются «стрелок в школе» и «псевдокоммандос» [6]. С одной стороны, это тип МУ, «обиженного» на колледж (учебное заведение) студента, который нацеливается на одноклассников (студентов и сотрудников колледжа) и имеет мотив враждебной мести, желание и планы убить как можно больше людей. С другой, – к ВИР подходит и тип «псевдокоммандос», так как МУ было тщательно спланировано, подготовлено, агрессор прибыл на место преступления в специфичной экипировке (подражал образу одного из убийц МУ в школе «Колумбайн»), хорошо вооружённым (10 самодельных взрывных устройств, бутылка с «коктейлем Молотова», 150 патронов) и готовым умереть (совершить самоубийство) [21].

У ВИР можно обнаружить много факторов, способствующих МУ: мир воспринимается им как отвергающий, безразличный; обида и размышления о прошлых унижениях; фантазии о жестокой мести; социальные сети; социальное отчуждение; издевательства; доступ к огнестрельному оружию и знакомство с ним; антисоциальные черты. Весьма вероятно, личностное расстройство личности [6]. По мнению, председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина причиной «массовой стрельбы» у ВИР послужил психологический кризис, возникший у молодого человека вследствие издевательств окружающих и бедности, «социальный протест и неустроенность» в конечном счёте преобразовались «в ненависть к конкретным одноклассникам»². Произошедший случай привёл к изменению оружейного законодательства в РФ, к более пристальному вниманию к вопросам обеспечения безопасности в учебных заведениях и мероприятиям по борьбе с радикализмом среди молодёжи. Заключение судебной психолого-психиатрической экспертизы по данному случаю мы не нашли, но можно с большой долей вероятности утверждать, что ВИР был признан вменяемым и страдающим ПР (скорее всего, коморбидным личностным расстройством). Анализ таких слу-

the VIR remained unclaimed for several weeks, however, it was probably cremated, and the ashes were buried in a secret place and under a false name¹.

The presented case of mass shooting fits into two types (options) of MM, which are called "shooter at school" and "pseudo-commandos" [6]. On the one hand, this is a type of MM, a student "offended" by a college (educational institution), who targets classmates (students and college staff) and has a motive of hostile revenge, a desire and plans to kill as many people as possible. On the other hand, the "pseudo-commandos" type is also suitable for VIR, since the MM was carefully planned, prepared, the aggressor arrived at the crime scene in specific equipment (imitated the image of one of the killers of the MM at the Columbine school), well-armed (10 improvised explosive devices, a bottle with a Molotov cocktail, 150 rounds) and ready to die (commit suicide) [21].

In VIR, there are many factors that can be found to contribute to MM: the world is perceived by him as rejecting, indifferent; resentment and reflection on past humiliations; fantasies of violent revenge; social networks; social exclusion; bullying; access to and familiarity with firearms; antisocial traits. Very likely personality disorder [6]. According to the chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin, the reason for the "mass shooting" at the VIR was a psychological crisis that arose in a young man as a result of bullying and poverty, "social protest and disorder" ultimately transformed into "hatred of specific classmates"². The incident led to a change in the weapons legislation in the Russian Federation, to a closer attention to the issues of ensuring security in educational institutions and measures to combat radicalism among young people. We did not find the conclusions of a forensic psychological and psychiatric examination in this case, but it can be argued with a high degree of probability that VIR was recognized as sane and suffering from MD (most likely, a comorbid personality disorder). An analysis of such cases in a forensic psychiatric ex-

¹ <https://www.gazeta.ru/social/2018/11/28/12075937.shtml>

² Бастрыкин назвал причины стрельбы в керченском колледже. <https://ria.ru/20190423/1552986130.html>

чаев на судебно-психиатрической экспертизе показал, что подростки с формирующимся смешанным расстройством личности были признаны способными к осознанному руководству своим поведением в период нападения на учебные заведения (эквивалентная вменяемость) [22]. В США ежегодно регистрируется около 11 инцидентов массовой стрельбы, в 70% случаев это происходит в учреждениях образования и на рабочих местах. Преступники в подавляющем большинстве (96,2%) мужчины, которые в 40% случаев совершают самоубийства после МУ. Выраженные ПР диагностируются только у 1% убийц, использующих для МУ огнестрельное оружие [19].

МУС можно отнести преимущественно к «домашнему убийству» (domestic homicide), в первую очередь с убийством супруги и детей, с последующим самоубийством агрессора, а ОМУ – в первую очередь, к внесемейному убийству без самоубийства. Как известно, риск добровольного ухода из жизни минимален при убийстве знакомых и незнакомых людей (не родственников). Однако он возрастает в 4,6-9,7 раза, если жертва супруг и/или дети и в 5,2 раза при использовании огнестрельного оружия [23]. Причём с каждой новой жертвой шансы на смерть увеличивается на 20% [20].

Согласно данным литературы, наиболее распространённой формой (около 50%) МУ всё же являются семейные (домашние) убийства, в которых убийцы убивают членов семьи или близких людей [24]. Это наблюдается и в нашей выборке МУС. Например, «уничтожители семьи (family annihilator)» (убившие супругу и детей) встречались в 29,8%, а только члены семьи и родственники среди жертв – в 46,8% случаев [6].

В Западной Европе с 1980 г. до середины 1990-х годов зафиксировано 15 случаев МУС в общественных местах или на рабочих местах с 116 жертвами (в среднем 7,7) и семь случаев в школах с общим числом жертв 74 (в среднем 10,6). Эти показатели были довольно стабильными в Европе, но после 2000 г. участились случаи массовой стрельбы в школах [25], включая и РФ. Это может быть связано с сообщениями о МУ с применением огнестрельного оружия в средствах массовой информации. Проведённое зарубежом исследование показывает, что в среднем временное увеличение вероятности длится 13 дней, и каждый инцидент провоцирует в среднем не менее 0,30 новых инцидентов стрельбы в школах и не менее 0,22 новых инцидента в семьях. В среднем МУ со стрельбой из огнестрельного оружия в США про-

amination showed that adolescents with an emerging mixed personality disorder were recognized as capable of consciously managing their behavior during an attack on educational institutions (equifinal sanity) [22]. In the US, about 11 incidents of mass shooting are recorded annually, in 70% of cases this occurs in educational institutions and workplaces. The perpetrators are overwhelmingly (96.2%) men, who in 40% of cases commit suicide after MM. Pronounced MD is diagnosed in only 1% of killers who use firearms for MM [19].

MMS can be attributed mainly to "domestic murder" (domestic homicide), primarily with the murder of a spouse and children, followed by the suicide of the aggressor, and OMM – primarily, to extra-family murder without suicide. As you know, the risk of voluntary death is minimal when killing acquaintances and strangers (not relatives). However, it will increase by 4.6-9.7 times if the victim is a spouse and/or children and by 5.2 times if firearms are used [23]. Moreover, with each new victim, the chances of death increase by 20% [20].

According to the literature, the most common form (about 50%) of MM is still family (domestic) murders, in which the killers kill family members or close people [24]. This is also observed in our MMS sample. For example, "the destroyers of the family (family annihilator)" (those who killed their spouse and children) occurred in 29.8%, and only family members and relatives among the victims – in 46.8% of cases [6].

In Western Europe, from 1980 to the mid-1990s, there were 15 cases of MMS in public places or workplaces with 116 victims (average 7.7) and seven cases in schools with a total of 74 victims (average 10.6). These figures were fairly stable in Europe, but after 2000, cases of mass shootings in schools became more frequent [25], including in the Russian Federation. This may be related to the media reports of MM involving firearms. A foreign study shows that on average, the temporary increase in probability lasts 13 days, and each incident provokes, on average, at least 0.30 new incidents of school shootings and at least 0.22 new incidents in families. On average, MM with firearms in the US occurs approx-

исходит примерно каждые две недели, а стрельба в школах – ежемесячно. Наличие огнестрельного оружия у населения коррелирует с МУ с применением огнестрельного оружия и стрельбой в школах [26].

Полученные нами данные дополняют показатели для «множественных убийств» в РФ, описанных в [5], особенно в случаях МУС и сравнительном аспекте с ОМУ и ПГСУ.

Среди наших случаев МУ мы не смогли чётко квалифицировать, так называемых, неистовых убийц (spreekiller), которые убивают двух или более людей в двух и более местах практически без перерыва между убийствами [27]. Такой убийца находится во власти сильных и стойких эмоций (неудержимой и дикой ярости), нападает на людей без разбора (среди его жертв случайные люди разного пола и возраста) [1]. Состояние по внешним проявлениям напоминает амок, являющийся культурно-специфическим синдромом, характерным для жителей Тихоокеанского региона, Южной и Восточной Азии. Расстройство часто сопровождается идеями преследования, автоматизмами, амнезией, истощением, последующим возвратом к доболезненному состоянию. Некоторые случаи могут протекать в рамках психотического эпизода или являться началом хронического психоза. Основным источником информации о данном типе расстройства является Малайзия [28]. В ряде случаев амок сравнивается со «школьными стрельбами», относится к ОМУ или МУС [13]. Дифференциальный диагноз между МУ, совершённых террористами-смертниками, неистовыми убийцами, МУ, совершёнными на рабочем месте и школьными стрелками, ПГСУ (МУС) представляет определённые сложности в силу минимальных различий [20]. Так, террористы-смертники, неистовые убийцы и школьные стрелки вели себя одинаково, делая предсмертные записки или письменные объяснения в 50–67% случаев (стрелки на рабочем месте: только в 11% оставляли письменные записки, но в 91% случаев совершали самоубийства после МУ). От 41 до 56% террористов-смертников, неистовых убийц и школьных стрелков имели семейные проблемы, а стрелки на рабочем месте были наименее подвержены «социальной маргинализации». Поэтому именно стрелявшие на рабочем месте больше всего отличались от других преступников, совершивших ПГСУ [20].

Заключение

Проведённый анализ случаев криминальной (смертельной) агрессии и убийств-самоубийств, собранных в электронных средствах массовой инфор-

imately every two weeks, and school shootings occur monthly. The presence of firearms in the population correlates with MM with the use of firearms and school shootings [26].

The data obtained by us complement the indicators for “multiple murders” in the Russian Federation described in [5], especially in cases of MMS and a comparative aspect with OMM and HSU.

Among our cases of MM, we could not clearly categorize the so-called violent killers (spreekiller), who kill two or more people in two or more places with little or no break between killings [27]. Such a killer is in the grip of strong and persistent emotions (irrepressible and wild rage), attacks people indiscriminately (among his victims are random people of different sex and age) [1]. The condition in appearance resembles amok, which is a culture-specific syndrome characteristic of the inhabitants of the Pacific region, South and East Asia. The disorder is often accompanied by ideas of persecution, automatisms, amnesia, exhaustion, followed by a return to a premonitory state. Some cases may occur within a psychotic episode or be the onset of a chronic psychosis. The main source of information about this type of disorder is Malaysia [28]. In a number of cases, amok is compared with “school shootings”, refers to OMM or MMS [13]. The differential diagnosis between MM committed by suicide bombers, violent killers, MM committed in the workplace and school shooters, HSU (MMS) presents certain difficulties due to minimal differences [20]. Thus, suicide bombers, rampage killers, and school shooters behaved similarly, making suicide notes or written explanations in 50-67% of cases (shooters in the workplace: only 11% left written notes, but in 91% of cases they committed suicide after MM). Between 41 and 56% of suicide bombers, rampage killers, and school shooters had family problems, and workplace shooters were the least likely to be “socially marginalized.” Therefore, it was the shooters at the workplace that most of all differed from other criminals who committed HSU [20].

Conclusion

The analysis of cases of criminal (deadly) aggression and murder-suicide collected in the electronic media showed the

мации, показал следующее. МУС – это обычно семейное (домашнее) убийство (чаще супруг и детей) с последующим самоубийством, связанное с супружескими конфликтами и совершённое, как правило, общеопасным способом (огнестрельное оружие и взрывы) с самым большим числом жертв. ОМУ – преимущественно внесемейное убийство, связанное с конфликтами, в которых участвуют посторонние люди, совершённое лицами молодого и зрелого возраста, чаще в состоянии опьянения с использованием колюще-режущих предметов, поджога и нескольких способов агрессии. ПГСУ с одной или двумя жертвами – чаще супружеское или детское убийство с последующим самоубийством, связанное с конфликтами в семье, совершённое прочими способами (удушение и др.). Агрессоры ПГСУ старше всех по возрасту, среди них меньше в прошлом судимых личностей, но больше всего женщин и лиц 60 лет и старше. Выделенные группы – МУС, ОМУ и ПГСУ существенно различаются между собой по ряду социально-психологических (демографических) и криминологических показателей.

following. MMS is usually a family (domestic) murder (often spouses and children) followed by suicide associated with marital conflicts and committed, as a rule, in a generally dangerous way (firearms and explosions) with the largest number of victims. OMM is a predominantly extra-family murder associated with conflicts involving strangers, committed by young and mature people, more often in a state of intoxication, using piercing and cutting objects, arson and several methods of aggression. HSU with one or two victims – more often marital or child murder followed by suicide, associated with conflicts in the family, committed in other ways (suffocation, etc.). The aggressors of the HSU are the oldest in age, among them there are fewer people who have been convicted in the past, but most of all are women and people 60 years of age and older. The selected groups - MMS, OMM and HSU differ significantly from each other in a number of socio-psychological (demographic) and criminological indicators.

Литература / References:

- Palermo G.B. Homicidal Syndromes: A Clinical Psychiatric Perspective. Criminal Profiling International Theory, Research, and Practice. Ed. by R.N. Kocsis. Totowa. New Jersey: Humana Press Inc., 2007. Ch. 1: 3-26.
- Holmes R.M., Holmes S.T. Understanding mass murder. *Federal Probation*, 1992; 56 (1): 53-61.
- Массовое убийство [Mass_murder]. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (In Russ)
- Mass_murder. <https://en.wikipedia.org/wiki>
- Антонян Ю.М. Типология убийств. *Общество и право*, 2021; 3 (77): 7-13. [Antonyan Yu.M. Typology of murders. *Society and Law*. 2021; 3 (77): 7-13.] (In Russ)
- Knoll J.L. 4th Massmurder: causes, classification, and prevention. *Psychiatr Clin North Am*. 2012 Dec; 35 (4): 757-780. DOI: 10.1016/j.psc.2012.08.001
- Lester D. Suicide in Mass Murderers and Serial Killers. *Suicidology Online*. 2010; 1: 19-27.
- Blair J.P., Martaindale M.H., Nichols T. Active shooter events from 2000 to 2012. *FBI Law Enforcement Bull*. 2014; available at: <http://leb.fbi.gov/2014/january/active-shooter-events-from-2000-to-2012>
- Fox J.A., Levin J. Mass confusion concerning mass murder. *Criminologist*. 2015 Jan / Feb; 40 (1): 8-11.
- DiMaggio C., Avraham J., Berry C., Bukur M., Feldman J., Klein M., Shah N., Tandon M., Frangos S. Changes in US mass shooting deaths associated with the 1994-2004 federal assault weapons ban: Analysis of open-source data. *J Trauma Acute Care Surg*. 2019 Jan; 86 (1): 11-19. DOI: 10.1097/TA.0000000000002060
- Hempel A.G., Meloy J.R., Richards T.C. Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of mass murderers. *J Am Acad Psychiatry Law*. 1999; 27 (2): 213-225.
- Brucato G., Appelbaum P.S., Hesson H., Shea E.A., Dishy G., Lee K., Pia T., Syed F., Villalobos A., Wall M.M., Lieberman J.A., Girgis R.R. Psychotic symptoms in mass shooting of mass murders not involving firearms: findings from the Columbia mass murder data base. *Psychol Med*. 2021 Feb; 17:1-9. DOI: 10.1017/S0033291721000076
- Hagan C.R., Podlogar M.C., Joiner T.E. Murder-suicide: bridging the gap between mass murder, amok, and suicide. *J Aggress, Conflict and Peace Res*. 2015; 7 Iss 3: 179-186. DOI: 10.1108/JACPR-07-2014-0132
- Serial_killer. <https://en.wikipedia.org/wiki>
- Расстрел сослуживцев [Shootings of colleagues (officer-involved shootings)]. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (In Russ)
- Violanti J.M. Homicide-suicide in police families: aggression full circle. *Int J Emerg Ment Health*. 2007 Spring; 9 (2): 97-104.
- Boudoukha A.H., Hautekeete M., Abdellaoui S., Groux W., Garay D. [Burnout and victimisation: impact of inmates' aggression towards prison guards]. *Encephale*. 2011 Sep; 37 (4): 284-292. DOI: 10.1016/j.encep.2010.08.006 (In French)
- Civilotti C., Acquadro M.D., Garbarino S., Magnavita N. Hopelessness in Police Officers and Its Association with Depression and Burnout: A Pilot Study. *Int J Environ Res Public Health*. 2022 Apr 24; 19 (9): 5169. DOI: 10.3390/ijerph19095169
- Knoll J.L. 4th, Annas G.D. Mass shootings and mental illness / In L.H. Gold, R.I. Simon (Eds.). Gun violence and mental illness: APA. 2016: 81-104.
- Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010. *Homicide Studies: An Interdisciplinary Intern J*. 2013; 17 (3): 255-274. DOI: 10.1177/1088767912462033
- Knoll J.L. 4th The "pseudocommando" mass murderer: part I, the psychology of revenge and obliteration. *J Am Acad Psychiatry Law*. 2010; 38 (1): 87-94.
- Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Александрова Н.А., Чибисова И.А., Ошевский Д.С. Клинико-психопатологический анализ подростков-правонарушителей, совершивших социально-резонансные нападения на учебные заведения. *Российский психиатрический журнал*. 2021; 5: 40-51. [Badmaeva V.D., Makushkin E.V., Alexandrova N.A., Chibisova I.A., Oshevsky D.S. Clinical and psychopathological analysis of adolescent delinquents who have committed socially resonant attacks on educa-

- tional institutions. *Rus Psychiatr J.* 2021; 5: 40-51. DOI: 10.47877/1560-957X-2021-10505] (In Russ)
23. Carcach C., Grabosky P.N. Murder-suicide in Australia Australian Institute of Criminology Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. *Canberra.* 1998 March; (82): 6.
24. Familicide. <https://en.wikipedia.org/wiki>
25. Liem M.C., Oberwittler D. Homicide Followed by Suicide in Europe. *Handbook of European Homicide Research: Patterns, Explanations, 197 and Country Studies.* 2014; 12: 197-215. DOI 10.1007/978-1-4614-0466-8_12
26. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE.* 2015; 10 (7): e0117259. DOI: 10.1371/journal.pone.0117259
27. Spree_killer <https://en.wikipedia.org/wiki>
28. Голеньков А.В. Основы психиатрии: синдромы и психотропные средства: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2019; 112 с. [GolenkovAV. Fundamentals of psychiatry: syndromes and psychotropic drugs: textbook. allowance. Cheboksary: Chuvash Publishing House University. 2019; 112 p.] (In Russ)

ANALYSIS OF SUICIDE AGGRESSORS AFTER MASS MURDER

A.V. Golenkov, P.B. Zotov

Chuvash State University, Cheboksary, Russia; golenkovav@inbox.ru
Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia; note72@yandex.ru

Abstract:

Mass murders (MM) usually include an act of aggression that is committed within a short time in one place and within the framework of one event and includes three or more victims. The readiness to die or commit suicide is a very common characteristic of such a criminal, so there is every reason to consider the features of MM including within the framework of murder-suicide (MMS). *The aim of the study* is to study the cases of MMS in the Russian Federation (RF) that occurred in 2002-2021 by comparing them with ordinary mass murders (OMM) and so-called post-homicidal suicides (HSU) with one or two victims. *Materials and Methods.* We analyzed 47 cases of MMS from 32 regions of the Russian Federation (44 men and 3 women, aged 16 to 70 years; mean age 39.9±13.9 years). The comparison groups included 67 cases of MM (63 and 4, 15-64 years of age; 34.3±10.4), but without suicides of the aggressors (OMM) from 41 regions of the Russian Federation and 348 HSU s from 69 regions of the Russian Federation (287 and 61, 15-86 years of age; 42 ,6±14.1). Mathematical and statistical processing was carried out using descriptive statistics, chi-distribution and t-test. *Results.* Almost every fourth MMS ended in the death of five or more people (on average – 3.94 victims), with OMM in 91% of cases there were less than five victims (3.48), HSU was limited to one victim in 72.1% (1.28). The analysis also showed that the MMS is usually family (domestic) murder (often of spouses and children) followed by suicide, associated with marital conflicts and committed, as a rule, in a generally dangerous way (firearms and explosions) with the largest number of victims. OMM is predominantly extra-family murder associated with conflicts involving strangers, committed by people of young and mature age, more often in a state of intoxication, using piercing objects, arson and several methods of aggression. HSU with one or two victims is more often marital or child murder associated with conflicts in the family, committed in other ways (suffocation, etc.). The aggressors of the HSU turned out to be the oldest, less likely to have a criminal record in the past. Most of them were women and people aged 60 and over. *Conclusion.* The selected groups – MMS, OMM and HSU differ significantly from each other in a number of socio-psychological (demographic) and criminological indicators.

Keywords: murders, suicides, post-homicidal suicides, Russian Federation

Вклад авторов:

A.V. Голеньков: разработка дизайна исследования; обзор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи;

P.B. Зотов: написание и редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

A.V. Golenkov: study design development, reviewing of publications of the article's theme; writing and editing the text of the manuscript;

P.B. Zotov: writing and editing the text of the manuscript.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 12.07.2022. Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2022.

Для цитирования: Голеньков А.В., Зотов П.Б. Анализ самоубийств агрессоров после массовых самоубийств. *Суицидология.* 2022; 13 (3): 39-57. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57

For citation: Golenkov A.V., Zotov P.B. Analysis of suicide aggressors after mass murder. *Suicidology.* 2022; 13 (3): 39-57. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57 (In Russ / Engl)